

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 2, Number 306 (2016), 126 – 132

A RETROSPECTIVE REVIEW OF “EXTERNAL” PRECONDITIONS OF SOUTH ASIAN SOCIAL AND ECONOMIC MODERNIZATION

Ye. I. Rudenko

Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleymanov, Almaty, Kazakhstan.

Keywords: South Asia, colonialism, «tradition-modernization» correlation, social and economic modernization.

Abstract. The paper discusses the issue of drivers of South Asian socio-economic modernization of external character, that is, these being adapted, introduced or/and imposed from outside. The comparative analysis of works by various authors proves that most researchers recognize peculiarity and even uniqueness of Indian model of socio-economic development, which starting from the colonial period has been taking shape within the frameworks of interaction with the Western world, and yet has always included immutable elements of South Asian tradition per se. Undoubtedly, the extent, scope, intensity and, above all, significance of adoption of elements of “modernization” into the Indian traditional system were different at different stages of South Asian interaction with representatives of the West – lesser initially and more subsequently. However, during the colonial period as well, the relevance of “tradition” was quite enough that, even having been modified, it continued to define the specifics of “modernization” and the features of overall socio-economic development of states in the region.

УДК 94(54).029/03: 316.422 (338.2)

РЕТРОСПЕКТИВА «ВНЕШНИХ» ПРЕДПОСЫЛОК ЮЖНОАЗИАТСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е. И. Руденко

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейманова КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: Южная Азия, колониализм, соотношение «традиция-/modернизация», социально-экономическая модернизация.

Аннотация. Большинством исследователей признается особенность и даже уникальность индийской модели социально-экономического развития, которая, начиная с колониального периода, формировалась в рамках взаимодействия с западным миром и вместе с тем всегда включала в себя неизменные элементы собственной южноазиатской традиции. Если на начальном этапе европейцы не предлагали здесь практически ничего соответствующего феномену «modернизации», то впоследствии под влиянием привносимых Великобританией элементов «modернизации» последняя приобрела в Южной Азии необратимый характер, и многие традиционные особенности отступали и даже разрушались под ее напором. Однако и в колониальный период проявление «традиции» было достаточным для того, чтобы даже модифицировавшись, она продолжила определять специфику «modернизации» и в целом социально-экономического развития государств региона.

К середине XX века в рамках мировой экономической и политической парадигм сложилось мнение, согласно которому модернизация и всеобъемлющий прогресс государств Востока должны были считаться лишь вопросом времени; их вхождение в общемировую орбиту модернизации и политico-экономического влияния государств Запада представлялось залогом их неизбежного продвижения по западному же пути развития. Прогнозы, касающиеся Востока, «обычно сводились к тому, что с помощью извне развивающиеся страны сравнительно быстро преодолеют отставание и станут практически равными развитым государствам,

разве что сохранив при этом некоторую национальную специфику» [1, с. 23]. Реальность, однако, показала, что эта самая «национальная специфика», которая в данном случае может быть соотнесена с восточной «традицией», оказалась сильнее и даже рациональнее в глазах ее носителей, чем феномен «модернизации» по западному образцу. При этом потенциал «традиции» подкреплялся различными факторами: исторически обусловленной непоколебимостью и живучестью элементов «традиции», неблагоприятным колониальным опытом, неудачами на пути внедрения западных моделей социально-экономической модернизации в традиционные восточные общества и т.п. В результате на Востоке сформировались группы государств, объединенные на основе той или иной степени внедрения и адаптации элементов модернизации в ее западном варианте. Одновременно с этим сложились и новые варианты развития стран Востока, основанные на взаимовлиянии и синтезе компонентов восточной «традиции» и западной «модернизации». Ярким примером такого синтеза являются государства Южной Азии, в особенности, Индия; в связи с этим опыт данных государств (как положительный, так и отрицательный) представляет особый интерес.

Известно, что в ходе изучения европейскими исследователями феномена «Востока» государственные образования Индийского субконтинента выступали в качестве одного из основных, наиболее репрезентативных источников информации относительно духовной и материальной составляющих восточной «традиции». На рубеже XVII–XVIII вв. Ф. Бернье, описывая свое восприятие жизни индийского общества, отметил преобладание государственной и отсутствие частной собственности в Индии времен Великих Моголов, что впоследствии было признано характерным для восточных государств в целом. Индийская экономическая структура явилась одной из тех, что позволили К. Марксу говорить об «азиатском способе производства», в рамках которого государство представляет собой власть, основанную на собственности этой же власти (феномен «власти-собственности»). Индуистско-буддийская локальная цивилизация с ее уникальным социально-экономическим компонентом была выделена и А. Тойнби. Таким образом, на самом раннем этапе особенности социально-экономического развития Южной Азии стали объектом и предметом изучения для западных исследователей.

В то же время до сих пор роль и значение колониального периода в истории поступательной социально-экономической модернизации государств Южной Азии оценивается неоднозначно; при этом преобладают положительные или отрицательные (либо смешанные) оценки этого периода, хотя однозначно позитивных либо негативных мнений по данному вопросу в современной науке уже не выдвигается. Однако представляется целесообразным оценивать не столько характер колониального господства Великобритании на Индийском субконтиненте, сколько вклад британской социально-экономической модели в трансформацию аналогичной модели в Южной Азии. Здесь опять же существуют различные точки зрения. В то время как одни исследователи склонны говорить о решающей и абсолютной роли метрополий в деле социально-экономической модернизации своих восточных колоний в принципе, другие настаивают на исторической неизбежательности и даже нежелательности «вмешательства Запада в дела Востока», утверждая, что привычная «традиция» сама подсказала бы восточным государствам оптимальные варианты, путь, скорость, степень и масштабы социально-экономических преобразований. Подобная дискуссия приобретает особую остроту применительно к Южной Азии, в частности, Индии. В то время как политico-административные изменения, вызванные здесь британским влиянием, обычно признаются и рассматриваются как не всегда полностью положительные, но все же весьма целесообразные, роль Великобритании в социально-экономической модернизации Индии нередко ставится под сомнение. Здесь приводятся объективные положения о том, что до прихода в Индию европейцев ее экономика являлась второй по величине экономикой мира, лишь немногим уступая китайской, но характеризуясь при этом более благоприятной структурой и относительно высоким (по масштабам всего мира) уровнем развития производительных сил. В связи с этим объективно недоказуемым, но в то же время гипотетически справедливым может считаться предположение о том, что без колониального подчинения, но при равноправных взаимовыгодных контактах с западным миром Индия, как и другие государства Южной Азии, могла бы достичь больших успехов на пути социально-экономической модернизации, заплатив за это меньшую цену (вопрос о самой возможности таких контактов с Западом, учитывая специфику индийской «традиции», должен рассматриваться отдельно).

Считается, что нормальное поступательное экономическое развитие может осуществляться только снизу, из недр общества. Однако в случае с колониальными странами, в том числе Индией, экономическое развитие было в значительной степени обусловлено процессами, происходящими сверху, из метрополии, носившими весьма противоречивый характер. Само «присоединение Индии к Британии было не столько актом политическим, результатом войны либо серии войн, сколько следствием сложных экономических и социальных процессов во всем мире, суть которых сводилась к образованию мирового капиталистического рынка и к насилиственному вовлечению в мировые рыночные связи колонизуемых стран» [2, с. 26]. Превращая Индию в сельскохозяйственный придаток своей экономики, Великобритания в то же время прямо (путем ввоза машин и оборудования) и косвенно знакомила ее с достижениями промышленной, а затем и машинно-технической революций; модернизируя южноазиатский социум, британцы разрушали основы его саморегулирования и т.п. Вследствие этого исследователи, как уже упоминалось, по-разному оценивают вклад колониального господства Великобритании в Южной Азии в социально-экономическую «модернизацию» традиционного общества последней. Так, В.К. Ломакин без каких-либо оговорок указывает на то, что «почти

полуторавековое колониальное господство затормозило хозяйственное развитие страны, надолго законсервировав архаичные экономические и социальные структуры. Была сформирована специфическая колониальная экономика с ее низкопродуктивным сельским хозяйством и слаборазвитой промышленностью. Страна была превращена в сельскохозяйственный придаток Британии» [3, с. 630]. Таким образом, автор косвенно указывает на то, что при отсутствии колониальной зависимости от Великобритании социально-экономическое развитие Южной Азии на основе собственного внутреннего потенциала могло бы быть более быстрым, эффективным и равномерно-устойчивым. А.Л. Сафонова также в целом негативно оценивает колониальный период в истории Южной Азии: «экономическое развитие Британской Индии было подчинено интересам метрополии, превратившей страну в источник сырья и рынок сбыта британских товаров, а с начала ХХ в. и в сферу приложения британского капитала... Неэквивалентный обмен в торговых отношениях колонии и метрополии обусловил вывоз из страны огромных материальных ценностей по ценам значительно более низким, чем их себестоимость» [4, с. 157-158]. Схожего мнения придерживается и Г.В. Сдаюк: «в колониальный период отраслевая и территориальная структуры хозяйства Индии складывались не столько на основе имманентных законов развития и внутреннего географического разделения труда, сколько в процессе неравноправного международного разделения труда, определявшегося интересами метрополии. Колониальный тип хозяйства, сложившийся в Индии, характеризовался незавершенностью развития народнохозяйственного цикла воспроизводства: практически полным отсутствием тяжелой индустрии, а также многих отраслей промышленности, производящих предметы потребления... Административно-территориальная раздробленность, которая поддерживалась и усиливалась финансово-экономическими рычагами, служила одним из действенных средств британского правления в колониях» [5, с. 70-71]. Л.С. Васильев же, наоборот, утверждает, что благодаря колониальному воздействию Великобритании «Индия активно включалась в мировой рынок, втягивалась в международные торговые связи. Англичане строили здесь железные дороги, налаживали регулярную почтовую связь, возводили промышленные предприятия... этот болезненный процесс активно способствовал развитию страны, знакомил ее с новыми формами связей и отношений, с производством машинного типа, с основами науки и техники... [Поэтому – Е.Р.] в конечном счете истоком всех современных проблем [государств Южной Азии – Е.Р.] следует считать не что иное, как недавнее и более отдаленное прошлое, причем более свое прошлое, чем привнесенное колонизаторами» [1, с. 44, 337]. Даже называя данный процесс «болезненным», исследователь дает ему и его субъекту явно положительную оценку. (Ничуть не умаляя ценность данного высказывания, все же представляется целесообразным заметить, что положение о втягивании Индии Великобританией «в международные торговые связи» должно рассматриваться как относительное. Международная торговля на различных направлениях на протяжении всей истории велась Индией в весьма значительных масштабах, и британцы даже использовали наложенные представителями Южной Азии торговые пути, в частности, в Центральную Азию для продвижения туда своих собственных товаров. С организационно-правовой же точки зрения сама Великобритания в условиях господства в мире колониальной системы вряд ли могла предложить Индии «модернистский» вариант международных торгово-экономических отношений). Промежуточного подхода придерживаются Ю.В. Ганковский и прочие авторы «Энциклопедии Пакистана»: «английское завоевание привело к постепенному превращению захваченных территорий в аграрно-сырьевую природу метрополии; оно стимулировало производство экспортных сельскохозяйственных культур и создание некоторых материальных предпосылок капиталистического производства. По мере разложения феодальных отношений это создавало объективные возможности развития капитализма, но колониальный гнет деформировал развитие этих процессов, задерживал его на промежуточных этапах, консервировал феодальные пережитки» [6, с. 152].

Как видно из приведенных высказываний, оценки колониального взаимодействия Великобритании и Индии являются едва ли не противоположными у различных авторов. В этой связи представляется более верным давать не оценочную характеристику такого взаимодействия, а проанализировать последнее с точки зрения особенностей, степени, интенсивности и значимости (эффективности) влияния привнесенной Великобританией «модернизации» на южноазиатскую «традицию».

Здесь следует, прежде всего, отметить, что при выявлении различий между «восточным/южным» и «западным/северным» вариантами формационного развития принято считать, что прогресс по второму варианту практически во всех сферах опережает развитие по первому. Как следствие, считается, что капиталистическая модернизация на Западе/Севере опережала и превосходила подобную модернизацию на Востоке/Юге, проявлялась более ярко и в результате даже обусловила последующий более или менее успешный переход восточных/южных государств и обществ к капиталистическому способу производства и связанным с ним социальным отношениям. Однако в действительности данное положение может считаться справедливым лишь при отождествлении капитализма с индустриальной fazой развития человечества. Кроме того, ряд государств Востока/Юга, в том числе и Индия, не могут быть введены в рамки данной схемы. Поэтому обстоятельства социально-экономической модернизации Индии рассматриваются не с точки зрения интенсификации экономического прогресса (что, как уже было сказано, является весьма спорным), а с точки зрения объективной роли европейского внедрения в южноазиатский регион.

Поскольку изначально британцы (как, впрочем, и другие европейцы) сосредоточились в Южной Азии именно на экономическом аспекте взаимодействия с местным населением, то именно этот аспект жизни

региона начал в первую очередь претерпевать изменения, повлекшие впоследствии перемены и в социально-политической сфере. Изначально возникли и те особенности взаимодействия «традиционной» Индии с курсом и методами европейской «модернизации», которые определили характер восприятия последней представителями Южной Азии.

Во-первых, с самого начала европейцы пытались переложить финансовую ответственность за содержание собственного управленческого аппарата сначала в факториях, а затем и в колониальной администрации на местное население. Впоследствии это было сделано британцами с большим успехом, однако при этом такие попытки европейцев косвенно демонстрировали их собственную финансовую несостоятельность и не способствовали росту авторитета западной экономики в целом. Еще в меньшей степени этому способствовало прямое ограбление индийцев представителями Запада. Исторически подобное поведение самих индийских правителей всегда осуждалось в рамках традиции, однако частично оправдывалось признанием их варно-кастового превосходства; в случае же с европейцами в индийской традиции не находилось никаких механизмов, способных оправдать подобную деятельность.

Во-вторых, экономическая эксплуатация колониальными властями местного индийского населения (особенно на начальном этапе), не вполне вписываясь в характеристику «традиции», в то же время не содержала в себе никаких элементов «модернизации», за исключением насилия, но все же юридически оформленных и переданных населению законодательных актов, касающихся экономического взаимодействия метрополии и колонии.

В-третьих, британские методы торговли с соседними для Южной Азии государствами и территориями (Тибет, Бирма, Афghanistan) также были скорее традиционными, нежели соответствовавшими феномену «модернизации». В некоторых случаях британцы были попросту вынуждены принимать исторически сложившиеся традиционные правила и методы ведения торговли (как в случае торговли Южной Азии с Центральной), и о привнесении компонента «модернизации», таким образом, не шло речи.

В-четвертых, британцы никогда целенаправленно не знакомили индийское население с европейски модернизованный системой экономических отношений и экономического администрирования в ее полном объеме (за исключением представителей Южной Азии, получавших соответствующее образование в самой Великобритании). В колонию приносились лишь те элементы социально-экономической модернизации, которые были необходимы здесь самим британцам, в то время как иные элементы, в меньшей степени отвечавшие интересам метрополии, так и оставались неизвестными местному населению. Главным итогом этого было искаженное восприятие индийцами самой сути социально-экономической модернизации, последующее «додумывание» и, как следствие, дальнейшая модификация феномена «модернизации» в условиях Южной Азии, с включением сюда специфичных для последней традиционных компонентов.

Таким образом, в течение довольно длительного времени деятельность британцев в Южной Азии имела весьма низкую степень, интенсивность и эффективность внедрения элементов экономической «модернизации» в местное общество.

По классической модели складывание и дальнейшее развитие экономики нового уровня влечет за собой изменения в социальных отношениях. В условиях же колониальной Индии начавшиеся изменения в обществе были, с одной стороны, резко остановлены условиями, наложенными Британской метрополией на свою колонию, а с другой – вся индийская традиционная экономика и, как следствие, традиционные отношения были серьезнейшим образом трансформированы и даже искажены. Однако традиционный характер социально-политических и социально-экономических отношений не был уничтожен полностью – он лишь претерпел ряд как позитивных, так и негативных изменений.

Под британским воздействием модернизовались, а, значит, попросту разрушались основы феномена «власти-собственности» в Южной Азии: теперь для обладания собственностью и для сохранения своего статуса собственника уже можно было не иметь никакой привязки к системе власти, как это было на протяжении всего предшествующего периода, что должно оцениваться, в целом, положительно. Впрочем, по исторической памяти на протяжении еще очень долгого времени (в том числе и после обретения южноазиатскими государствами независимости) крупные собственники все же стремились добиться той или иной степени причастности к власти.

Большое внимание в литературе уделяется вопросу модификации британцами социально-экономических основ существования индийской сельской общины. Наделение общинной верхушки больше экономическими, нежели социальными функциями, а также сокращение, вплоть до ликвидации, экономического значения несельскохозяйственных производителей (ремесленников) разрушило традиционную для общины систему реципрокного обмена (систему джаджмани). Это отразилось практически на всем индийском социуме, организованном преимущественно на общинной основе. Кроме того, если ранее частная собственность на землю в рамках общины была хотя и реальным, но в то же время редким, неофициальным и вообще нежелательным явлением, то теперь, с приходом феномена «модернизации», частное землевладение становилось все более распространенным и естественным, что также отражалось на самом смысле существования индийской сельской общины. В целом «вмешательство администрации [Ост-Индской – Е.Р.] компаний во внутренние дела страны и прежде всего в веками складывавшиеся аграрные отношения (английские администраторы явно не разобрались в реальных и весьма непростых взаимоотношениях владельческих и невла-

дельческих слоев в Индии) привело к болезненным конфликтам в стране» [2, с. 27]. Вместе с тем британцы, чей колониальный аппарат существовал в значительной мере за счет выплат со стороны сельскохозяйственного населения, стремились законодательными мерами ограничить традиционную эксплуатацию индийского крестьянства местными же субъектами, в частности, арендодателями и заминдарами так, как этого никогда не делалось ранее (хотя в то же время сами колониальные власти в годы массового голода не освобождали крестьян от налогов, как это было принято в традиционной Индии).

Британцами была трансформирована и городская система корпоративной взаимопомощи. Традиционно «в условиях отсутствия гражданского общества для подавляющего большинства населения корпорация была определенной гарантией от произвола, защитой нормального существования. Без нее же, вне ее индивид превращался в социальный нуль» [1, с. 225]. Однако в колониальных условиях разоряясь и попадая в новые условия экономической зависимости от колониальных властей, целые корпорации (шрени) ремесленников прекращали свое существование. Исчезала и наследственная система подготовки лиц умственного труда – ныне все больше требовались не сформировавшиеся за поколения навыки, а европейское образование. Изменился и социальный статус представителей некоторых профессий (в частности, возросло социальное положение врачей), что также оказывало влияние на всю социальную систему в целом. Сама же традиционная корпорация, становясь все более слабой, все в меньшей степени выполняла свои социально-экономические функции «относительной защиты и гарантii для всех». Одновременно росли внекорпоративные экономические заслуги отдельных личностей, что способствовало повышению их статуса не на основе «кармически обусловленного» происхождения в той или иной социальной прослойке, а на основе их текущей экономической активности. Таким образом, если ранее в Южной Азии не было «системы гарантii, которая позволила бы любому считать себя социальной единицей и тем более беспрепятственно, без страха за будущее заниматься предпринимательской деятельностью» [1, с. 225], то по мере социально-экономической и политической модернизации индийского общества такая система начала формироваться. Одновременно с этим в южноазиатских городах возникал и рабочий класс, объединявший в своих рамках представителей различных варн и конфессий.

Следует отметить и еще одну социальную особенность становления капитализма в Южной Азии. В деятельности индийцев за пределами Индии связанная с модернизацией капиталистическая модель начала проявляться довольно рано (что выражалось, к примеру, во внешней торговле и финансовых услугах). В самой же Индии капитализм стал складываться позднее. Здесь проявилось объективное неравенство не только между желавшими и не желавшими приобщаться к капитализму, но и между имевшими и не имевшими возможности делать это.

С британским колониальным господством связано и оформление проблемы коммунализма в Южной Азии, имевшей свое социально-экономическое проявление. Эта проблема, помимо прочего, выразилась в диспропорции между слабым в экономическом, но значимым в социально-политическом плане статусом мусульман. Вообще конфессиональные разногласия, существовавшие в феодальной обстановке в Индии, обострились при переходе от феодальных к буржуазным отношениям (разорение мусульман и приспособление к новым условиям части индусов), а также в капиталистической обстановке (более быстрое приспособление индусов к капитализму по сравнению с мусульманами и ограничение возможностей последних найти себе нишу на уже заполненном англичанами и местными немусульманами внутреннем рынке). В этой связи можно привести слова Дж. Неру о том, что «подавляющее большинство представителей новой буржуазии были индусами. Это объясняется их несколько более высоким экономическим уровнем в сравнении с мусульманами, а также распространением среди них образования на английском языке, которое открывало двери для поступления на государственную службу и приобретения профессиональной квалификации. Мусульмане в целом были беднее. Большинство ткачей, разорившихся вследствие разрушения англичанами индийской промышленности, были мусульманами. В Бенгалии мусульмане были бедными арендаторами или мелкими землевладельцами, земельным собственником обычно был индус; индусом также был деревенский “бания” – ростовщик. Об этом факте не следует забывать, так как в нем кроется коренная причина напряженных отношений между индусами и мусульманами» [7, с. 233]. Таким образом, индуисты и представители иных автохтонных индийских религий быстрее приспособливались к модернизации и лучше совмещали ее элементы с элементами последней, нежели это удавалось мусульманам. С другой стороны, в социально-политическом плане британцы все в большей степени опирались на мусульман, как боясь их плохо контролируемого недовольства, так и стремясь противопоставить их индуистам и представителям иных индийских религий. Все это, помимо прочего, подрывало сами основы традиционной социальной толерантности в Южной Азии.

Со второй половины XIX в. британские капиталовложения охватывали уже не только объекты сельского хозяйства, но и транспортную инфраструктуру (как известно, созданные в колониальные период транспортно-экономические магистрали – «линии проникновения» – во многом определили особенности конфигурации современной транспортной сети Индии), а также предприятия горнодобывающей и фабрично-заводской промышленности; с инвестиционной деятельностью было связано и появление колониальных банков. Впоследствии к подобной деятельности подключились и представители местного населения, сочетающие традиционные и модернистские методы формирования и приложения торгово-ростовщического, а затем и промышленного капитала. В то же время с самого начала в Южной Азии стали возникать эпицентры пре-

образовательной капиталистической деятельности британцев (в которых впоследствии сосредотачивали свою деятельность и местные предприниматели), резко противопоставлявшиеся обширным территориям, на которых господствовали традиционные докапиталистические формы экономических отношений. Финансовые поступления в колониальный бюджет с этих территорий осуществлялись не за счет модернистской интенсификации производства, а на основе усиления все той же традиционной эксплуатации производителей с помощью внеэкономических методов принуждения. Таким образом, изначально возникли региональные перекосы в экономическом (капиталистическом) развитии субконтинента, и «на рубеже XIX-XX вв. Британская Индия представляла собой аграрно-сырьевой призрак метрополии с многоукладной и диспропорциональной экономикой, в рамках которой сосуществовали и переплетались между собой традиционные архаичные социально-экономические институты и современные типы организации производства, связанные с разными этапами становления капитализма» [4, с. 159]; «сосуществование слабо связанных между собой производственно-территориальных сфер, присущих разным укладам, обуславливало конгломератный характер территориальной структуры хозяйства» [5, с. 71].

С другой стороны, в силу различных обстоятельств британское господство в Индии привело к усилению политической интеграции отдельных регионов (здесь не идет речь о тех религиозно-политических моментах, на основе которых Британская Индия впоследствии была разделена на два отдельных государства); в частности, «проложенные англичанами железные дороги и телеграфные линии значительно сократили расстояния и несравненно увеличили мобильность населения... развитие капиталистического рынка разрывало региональную замкнутость» [8, с. 34]. В свою очередь, политическая интеграция повлекла за собой региональную экономическую интеграцию, причем в весьма значительных масштабах. Сочетание же экономических интеграционных тенденций со складывающимся в условиях капитализма общегосударственным рынком, расширением сферы межрегионального разделения труда и общим изменением характера экономических отношений привело к появлению новой для Индии и всей Южной Азии макроэкономической структуры. Одновременно с этим британцы заложили, а впоследствии представители местного населения трансформировали и продолжили создание присущих данной структуре социально-экономических и административно-политических институтов, соответствовавших в большей степени именно феномену «модернизации».

В то же время, несмотря на все перечисленные выше обстоятельства, местное население не столько изменилось под их влиянием, сколько приспособливалось к ним. «Традиционная "азиатская" структура Индии... будучи вынужденной приспособливаться к меняющимся обстоятельствам, вырабатывала все новые и новые формы сопротивления чужому колониальному капитализму со всеми свойственными ему западными идеями, идеалами... и принципами жизни» [2, с. 33]. Наиболее наглядно это проявлялось в том, что широкие массы индийского общества и даже получившие европейское образование представители интеллигенции боролись с британским социально-экономическим господством скорее «традиционными» методами (сатьяграха, свадеши и пр.). Здесь сыграла свою роль способность Южной Азии к адаптации чужого – мириясь, соглашаясь и все более соответствуя новым «модернистским» элементам, индийское общество не отказывалось (да и не могло полностью отказаться) от «традиции».

Иными словами, на более поздних этапах (особенно с конца XIX в.) «модернирующее» влияние Британской метрополии на Индийскую колонию, имевшее как негативные, так и позитивные черты, стало более ощутимым и значимым; в то же время сопротивление этому «традиции» в социально-экономическом плане не столько слабело, сколько модифицировалось. Поэтому, с одной стороны, «модернизации» удалось сломить «традицию» в том смысле, что обратное развитие оказалось уже невозможным, но с другой стороны, «традиция» настолько тесно опутала «модернизацию» и срослась с ней, что дальнейшее социально-экономическое движение государств Южной Азии к чисто западному варианту «модернизации» стало невозможным – это и определило специфику южноазиатских моделей социально-экономического развития.

Впоследствии, хотя британцы, уходя из Южной Азии, оставили здесь смесь традиции с элементами модернизации (более в социальном, нежели в экономическом плане) на западный капиталистический манер, однако в первые же годы независимости такое положение отчасти сохранялось, пожалуй, лишь в Шри-Ланке. Хотя и там на самом раннем этапе после обретения независимости была попытка сделать акцент на развитие государственного сектора, однако в итоге правительство Шри-Ланки «оказалось прозападно ориентированным и, в отличие от Индии, проводившей "курс Неру", делало упор на экономической политике, связанной с развитием свободной рыночной экономики, не подлежащей контролю со стороны государства». Индия же стала частично в политическом и в значительной степени в социально-экономическом плане уделять внимание социалистическому варианту модернизации: «становление современного буржуазного общества происходило... на фоне преобразований, осуществлявшихся в странах социализма, и общедемократическое радикальное движение по пути реформ ассоциировалось с понятием социалистического переустройства общества» [4, с. 299-230]. Пакистан, Непал и Бутан стали возвращаться соответственно к мусульманским и индуистско-буддийским традиционным элементам, в том числе и в том, что касалось экономического аспекта. При этом Пакистан, как и Индия, но в меньших масштабах, ориентировался и на капиталистическую (больше в Восточном Пакистане), и отчасти на социалистическую модели социально-экономической модернизации. Одновременно с экономической модернизацией по западному и в меньшей степени советскому образцам в Пакистане происходило ее сочетание с традицией. Это, однако, не всегда

носило негативный характер, о чем свидетельствуют поздние тенденции развития мировой экономики. Так, в современную эпоху первое финансовое учреждение, основанное на исламских принципах, было создано в конце 1950-х годов именно в Пакистане; правда, оно просуществовало недолго, однако примечателен сам факт участия Пакистана в закладывании основ исламского банкинга.

Таким образом, степень, масштабы, интенсивность и, главное, значимость внедрения элементов «модернизации» в индийскую традиционную систему были различными на разных этапах взаимодействия Южной Азии с представителями западного мира. На начальном этапе европейцы вообще не приносили в Индию практически ничего соответствующего феномену «модернизации», предпочитая во взаимоотношениях с местным населением опираться на ту же традицию. Впоследствии под влиянием привносимых Великобританией элементов «модернизации» последняя приобрела в Южной Азии необратимый характер: многие традиционные особенности не просто отступали, но разрушались под ее напором. Однако и в колониальный период проявление «традиции» было достаточным для того, чтобы даже модифицировавшись, она продолжила определять специфику «модернизации» и в целом социально-экономического развития государств региона.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. – Т. 1. – М.: Высшая школа, 1998. – 495 с.
- [2] Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. – Т. 2. – М.: Высшая школа, 2001. – 559 с.
- [3] Ломакин В.К. Мировая экономика. – М.: Юнити-Дана, 2001. – 735 с.
- [4] Сафронова А.Л. Южная Азия // Новейшая история стран Азии и Африки, XX век. В 2 ч. – Ч. 1.: 1900-1945. – М.: Владос, 2001. – С. 157-201.
- [5] Сдасюк Г.В. Общеиндийская экономика и региональные факторы ее развития // Индия: страна и ее регионы. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 69-92.
- [6] Энциклопедия Пакистана / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Фундамента Пресс, 1998. – 640 с.
- [7] Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. В 3 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1977. – 504 с.
- [8] Ванина Е.Ю. Исторический обзор // Индия: страна и ее регионы. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 12-38.

REFERENCES

- [1] Vasilyev L.S. History of Orient. In 2 volumes. Vol. 1. M.: Vysshaya shkola, 1998. 495 p.
- [2] Vasilyev L.S. History of Orient. In 2 volumes. Vol. 2. M.: Vysshaya shkola, 2001. 559 p.
- [3] Lomakin V.K. World Economy. M.: Uniti-Dana, 2001. 735 p.
- [4] Safranova A.L. South Asia. In Contemporary History of Asia and Africa, XX Century. In 2 parts. P. 1.: 1900-1945. M., 2001. PP. 157-201.
- [5] Sdasyuk G.V. All-Indian Economy and Regional Factors of Its Development. In India: the Country and Its Regions. M.: Editorial URSS, 2000. PP. 69-92.
- [6] Encyclopedia of Pakistan. Ex.ed. Yu.V. Gankovskiy. M.: Fundamenta Press, 1998. 640 p.
- [7] Nehru J. Glimpses of World History. In 3 volumes. Vol. 2. M.: Nauka, 1977 (Russ.). 504 p.
- [8] Vanina Ye.Yu. Historical Review. In India: the Country and Its Regions. M.: Editorial URSS, 2000. PP. 12-38.

ОҢТҮСТІК АЗИЯЛЫҚ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҢҒЫРУЫНЫң «СЫРТҚЫ» АЛҒЫШАРТАРЫНЫң ӨТКЕНИН ШОЛУ

Е. И. Руденко

ҚР БФМ ФК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

Түйін сөздер: Оңтүстік Азия, отаршылдық, «дәстүр-жанғыру» арақатынасы, әлеуметтік-экономикалық жанғыру.

Аннотация. Отаршылық кезеңнен бастап, батыс әлемімен әрекеттесу аясында қалыптасқан, сонымен қатар, оңтүстіказиялық дәстүрдің өзіндік бұлжымас элементтері бар әлеуметтік-экономикалық дамудың үнділік моделінің ерекшелігі мен бірегейлігін зерттеушілердің басым көпшілігі мойындауда. Әлбетте, үнділік дәстүрлер жүйесіне «жанғыру» элементтерін енгізуін дәрежесі, ауқымы және, ең бастысы, оның маңыздылығы Оңтүстік Азияның Батыс өкілдерімен әрекеттестігінің әртүрлі кезеңдерінде де сан қылыш болған. Отаршылық кезеңде де, «дәстүр» түрлене отырып көрінсе де, «жанғырудың» ерекшелігі мен өнірдегі мемлекеттерге ортақ болатын әлеуметтік-экономикалық даму бағытын белгілеуді жалғастырды.

Поступила 17.03.2016 г.